

«Разум Сенекин или лутчия решения сего философа», «Андрия Максимиана Фредра наказание правоучительная» и др.²³

Кн. Д. М. Голицын и его судьба для нас представляют определенный интерес как пример человека, о котором идет речь в переводе, при этом мы делаем упор на заключительные притчи. Вот некоторые его характеристики, принадлежащие иностранцам: «У него было достаточно ума, но было много и злости, тщеславие невыносимое и гордость беспримерная» (де Лирия),²⁴ «он красноречив, смел, предприимчив, исполнен честлюбия и хитрости, замечательно воздержен, но надменен, жесток и неумолим» (Рондо).²⁵ Эти характеристики совпадают не только между собой, но и сходны с тем «игралищем Фортуны», которое описывает Любомирский в XIV притче. Замечательно охарактеризовал Голицына Д. А. Корсаков: «... двулицый Янус, стоящий на рубеже двух эпох нашей цивилизации — московской и европейской. Одним лицом своим он вдумчиво глядит в былое Руси, другим — самонадеянно приветствует ее грядущее».²⁶ «Важный и угрюмый» (Рондо) Голицын не был, да и не хотел быть фаворитом, но «временщиком» (в значении *fortunatus*) он был, когда же его попытка «ухватить фортуны за власы» не удалась, он отошел от борьбы, «всю суету отринувши», произнеся известную фразу: «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными».²⁷ Видно и из дальнейшей его жизни, что он хорошо знал «науку двойной жизни», которую провозглашали писатели барокко, да и сам Любомирский.²⁸ Из круга, о котором идет речь и которому может быть адресован перевод, нужно, конечно, исключить таких откровенных авантюристов, временщиков-фаворитов, как кн. Долгорукие.

Не следует забывать, что перед нами несомненно элитарное произведение. Переводчик, следуя за оригиналом, стремился сохранить изысканную форму, хотя рукопись, конечно, не может передать богатых возможностей типографского набора. В латинском издании используются четыре вида шрифтов, образующих

²³ Материалы для истории имп. Академии наук, с. 186, 188, 181.

²⁴ Сын отечества, 1839, т. XII, с. 108.

²⁵ Рондо К. Характеры некоторых русских вельмож. — ЧОИДР, 1861, кн. 2, отд. 4, с. 5.

²⁶ Корсаков Д. А. Из истории русских деятелей XVIII в. Казань. 1891, с. 222.

²⁷ Там же, с. 226.

²⁸ Любомирский сформулировал это следующим образом: «Я дурно жпл и хорошо, пример вам подаю: Вкусил я вдосталь мира и все-таки в раю». Постулату «двойной жизни» чужды цинизм и неискренность. Например, их не следует видеть в завещании Любомирского, которое он заканчивает такими словами: «С радостью оставляю все блага земные для лицезрения в вечности бога», а перед этим «земные блага» тщательно сосчитаны: «Трижды 120 000 и 8495 золотых и 2 гроша pro moneta currenti все золотом и серебром» (*Pollak R. Od Renesansu do Baroku. Warszawa, 1969, s. 256—257*). Сенека тоже оставил огромное состояние.